

стрѣлки вѣрнѣе всякаго китайскаго паспорта обезпечили лучшій для насъ исходъ дѣла. Тибетцы бросились бѣжать частью въ селеніе, частью къ рѣкѣ, прикрываясь ея обрывистыми берегами; часть же воиновъ засѣла въ легкомъ строеніи и продолжала стрѣлять въ нашъ маленькій отрядъ, перешедшій теперь въ наступленіе. Чтобы вполнѣ обезпечить себѣ проходъ намъ пришлось поджечь постройку занятую разбойниками, откуда они и стали выбѣгать группами и поодиночкѣ. Въ теченіе полутора-часовой перестрѣлки мы израсходовали триста патроновъ. Тибетцы были разсѣяны и, какъ въ послѣдствіи выяснилось, понесли тяжелыя потери: убитыми двадцать три человѣка и тяжело и легко ранеными семнадцать. Мы всѣ, по великому счастью, — уцѣлѣли.

По окончаніи стычки, мы привели караванъ въ порядокъ и рѣшили скорѣе оставить это тяжелое по воспоминанію мѣсто, продолжая двигаться въ прежнемъ направленіи. Вскорѣ, поднявшись на высокой косогоръ и оглянувшись назадъ, мы увидѣли тибетцевъ, шедшихъ съ разныхъ сторонъ къ мѣсту, гдѣ лежали ихъ павшіе въ бою товарищи. На нашей же дорогѣ никого не было, не видѣли мы также ни одного изъ ламъ, у пройденныхъ нами богатыхъ и живописно расположенныхъ на береговой террасѣ Н'ому-чю кумиренъ — Ниндагомба (бѣлаго толка) и Луншуг-гомба, отстоящихъ одна отъ другой въ разстояніи не болѣе трехъ верствъ. Выбирая болѣе широкую часть долины для своей остановки, мы принуждены были двигаться до сгущенныхъ сумерокъ, когда, наконецъ, дали и себѣ, и животнымъ отдыхъ. Но какой могъ быть намъ отдыхъ, когда нравственное состояніе было такъ потрясено. Никто не могъ знать, что насъ ожидало впереди. Въ теченіе всей ночи, казавшейся мнѣ вѣчностью, я положительно не могъ уснуть ни на минуту; мысли самага разнообразнаго свойства роились въ моей головѣ. Чтобы поразнообразить и сократить время я оставлялъ палатку и часами смотрѣлъ на ясное, спокойное небо. Яркія звѣзды медленно перемѣщались съ восточной стороны горизонта на западную, таинственные метеоры изрѣдка озаряли извѣстную часть небснаго свода и, померкнувъ, беззвучно исчезали въ міровомъ пространствѣ. Съ сосѣдняго карниза-обрыва сурово глядѣлъ на нашъ бивуакъ домикъ ламы-отшельника, пріютившагося словно орлиное гнѣздо. Внизу глухо бурлила и плескалась рѣка, по верхушкамъ лѣса порою пробѣгалъ слабый ночной вѣтерокъ. Едва своеобразная ласка природы успѣла навѣять дремоту, какъ уже на востокѣ зажглась алая полоска зари и лагерь пробудился.